

Феноменология религии

РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕРПИМОСТЬ

Е.Г. РОМАНОВА

Сегодня признание прав на свободу совести стало нормативным принципом для многих стран мира, и наоборот, явное пренебрежение правами человека в области религиозной веры и свободомыслия все чаще рассматривается как неприемлемое с нравственной и юридической точек зрения. Религиозная свобода признается многими исследователями «краеугольным камнем» всех прав индивида вообще — гражданских, социальных, экономических, как подлинно демократических ценностей всего человечества. Ведь осуществление права на свободу совести стало отправным пунктом к обретению не просто независимости от господствующей религиозной идеологии, но и юридического равенства, составляющего неотъемлемую предпосылку развития свободного рынка и демократического государственного устройства. В результате этого, гарантии права человека на свободу совести появляются почти во всех конституциях развитых стран, и принцип свободы совести утверждается Всеобщей декларацией прав человека.

Нельзя, однако, утверждать, что соблюдение этого права человека является реальностью во всем современном мире, или хотя бы в его большей части, и повсюду оно реализуется полностью. Религия и нетерпимость сопровождали друг друга в течение всей человеческой истории. Любая религия выступала не только как основа идентичности социальных общностей от рода до нации, но и как основа противопоставления себя другой — «неидентичной» части человечества. Первопричина размежевания состояла в различном понимании «своей истины», в рамках которой складывались мировоззренческие установки, формировалась повседневная жизнь. Именно понимание «своей истины» как незыблемой и священной стало основой для роста религиозной нетерпимости, которая, в свою очередь, неоднократно становилась поводом для открытого насилия, враждебности, ксенофобии, этнических и расовых предрассудков, предлогом для политической и социальной дискриминации. И здесь можно согласиться с мнением проф. Бейлорского университета (США) Джеймса Э. Вуда о том, что «во имя Божие или во имя религии было, вероятно, предпринято больше войн, совершено больше преследований и потеряно больше человеческих жизней, чем по любой иной причине»¹.

Идеологические основания религиозной нетерпимости весьма разнообразны и неоднозначны. Однако магистральные направле-

ния нетерпимости зиждутся на следующих основных обвинениях: 1) ложность и опасность для господствующей религиозной общности (например, сектанты и раскольники внутри единого духовного пространства); 2) конфликт с обычаями и нравственными ценностями данного общества, чуждость культурной среде, подрыв исторических устоев общества (религиозные движения, пришедшие извне); 3) угроза некоторым важным политическим или социальным традициям общества, особенно в тех случаях, когда религия отождествляется с чуждым политическим режимом (наиболее яркие примеры: борьба с религией в СССР и с католической церковью в фашистской Италии).

В итоге признание прав на свободу совести балансирует на стыке таких институтов человеческой культуры, как гуманизм, толерантность, демократические свободы, и одновременно — религиозная нетерпимость, дискриминация новых и наоборот «старых» конкурентных религиозных общностей, которые сопровождали жизнь общества на протяжении всей человеческой истории. Содержание принципа свободы совести продолжает оставаться дискуссионной темой, несмотря на обширную традицию полемики по этому вопросу в истории европейской мысли. Процесс утверждения этого принципа занял несколько веков и в разных странах приобретал свою специфическую национальную окраску. Например, в нашей стране вопрос о совместимости свободы совести с православной верой, будучи поставленным явно только в начале XX в., вызвал ожесточенную дискуссию между представителями Церкви и интеллигенции. Суть возражений точно выразил один из участников петербургских религиозно-философских собраний архимандрит Антонин, назвав свободу совести «конституционно закрепленным правом человека на духовную болезнь»². На сегодняшний день церковная точка зрения на этот вопрос не изменилась, отразившись в пункте 3.6 социальной доктрины Русской православной церкви (РПЦ): «Появление принципа свободы совести — свидетельство того, что в современном мире религия из “общего дела” превращается в “частное дело” человека. Сам по себе этот процесс свидетельствует о распаде системы духовных ценностей, потере устремленности к спасению в большей части общества, утверждающего принцип свободы совести»³.

В современных условиях принцип свободы совести по большей части утратил ярко выраженный бунтарский характер и не сводится теперь исключительно к праву свободной смены религиозной принадлежности, согласуясь только лишь с собственным добровольным выбором «иной» религии или вообще неверия. Тем не менее именно проблема добровольного выбора религиозной принадлежности является основой масштабной полемики о содержании и границах реализации принципа свободы совести. Играя на подмене понятий,

свободу совести стремятся преподнести в качестве «вседозволенности» одних и психологической зависимости других людей. Общество отказывается верить, что такой выбор является действительно осознанным в тех случаях, когда он происходит не в пользу «своей» религии или мировоззрения. Более того, в наше время существенная часть общества готова всячески преследовать «сектантов» даже в условиях действия принципа свободы совести, закрепленного в Конституции, и формального осуждения общественностью такой «охоты на ведьм».

К сожалению, наша культура, вследствие отсутствия четкой религиозной преемственности, невысокого уровня знаний о религии и хаотичности нынешнего религиозного возрождения становится питательной почвой для возникновения и распространения разнообразных религиозных, мистических, оккультных, теософских учений и доктрин, т.е. всего того, что находится за рамками рационального познания и описывается в категориях веры и/или суеверия. Но в большинстве своем такие поиски не приводят к деструкции личности и чаще всего носят весьма поверхностный характер знакомства со сферой иррационального. А искренняя вера, в свою очередь, способна стимулировать человека к самосовершенствованию, одухотворению, стремлению к улучшению, нравственной чистоте и жизнестойкости. Конечно, такие «стимулы» могут быть по-разному прочитаны и прочувствованы человеком, поэтому представляется естественным появление религиозных фанатиков, стремящихся разрушить все, что, по их мнению, не совпадает с идеалом или истиной, но это скорее является отклонением от общей нормы, которая в большинстве своем несет заряд положительной энергии миролюбия и любви к жизни. Поэтому существует множество теорий, утверждающих, что религия (особенно ее традиционные формы), как никакая другая система, способна особенно результативно влиять на личность положительно, вплоть до прямой профилактики преступности. С другой стороны, эти теории столь же аргументировано оспариваются многими специалистами-практиками, апеллирующими к историческим фактам, подтверждающим, что в любые времена даже самые религиозные общества не были лишены преступности, причем эта преступность часто оправдывалась именно религиозными мотивами. Также приводятся аргументы наличия значительного количества статистических показателей, указывающих на популярность религии среди преступников и экстремистов, что не препятствует им совершать уголовно наказуемые деяния⁴. И это, в свою очередь, не мешает государственным силовым и правоохранительным структурам разных стран сотрудничать с религиозными институтами. К сожалению, в нашей стране такое доверие пока простирается главным образом на учреждения Московского патриархата. В отношении других религиозных объеди-

нений общество продолжает пребывать в некоем теоретическом вакууме, совершенно не ориентируясь в фактическом и правовом поле данной проблемы. И, несмотря на широкий доступ к самой разной информации в сети Интернет, лишь немногие специалисты, тщательно фильтрующие и верифицирующие эти сведения, знакомы с реальной историей и деятельностью таких объединений. Поэтому иной, нежели у среднего большинства, выбор религиозных предпочтений в лучшем случае трактуется как «отрицание реальности и попытка подмены реалистичных представлений иллюзорными доктринами»⁵. Вместе с тем религиозная вера даже психиатрами считается «исходным нормативным свойством человека»⁶. А то, что объясняется как «отрицание реальности» применимо к «сектантам», в рамках принятой религиозной традиции теми же психиатрами предлагается рассматривать в ином научном ракурсе, исходя из того, что «религиозность можно понимать как чувственное соприкосновение с чем-то большим, чем законы земной жизни, с тем, что вне человеческой воли и является самостоятельным носителем смысла. Стоящим над человеком и над сущим, но с чем можно установить связь — обращаться с просьбами, мольбами или с благодарением и восславлением»⁷. И здесь понятно неприятие других религиозных доктрин с точки зрения богословских позиций, ведь иной, нежели в рамках церкви, опыт общения с трансцендентным тут считается исходящим от злых сил, противоположных божественным и светлым силам. Но на основании каких «дьявольских козней» некоторые ученые отказывают в проявлении религиозных чувств всем без исключения последователям религиозных организаций, выходящих за рамки «своей» традиции? При этом абсолютное большинство обывателей апеллирует лишь к стереотипам, почерпнутым из советского прошлого или из средств массовой информации (СМИ), которые выдают дозированные сведения, подчиняясь коммерческому принципу: «чем хуже, тем лучше». Внимая полемике религиоведов и юристов, богословов, чиновников и др., СМИ предлагают читателям материалы, пестрящие криминальной терминологией: о «духовном самоубийстве», «разрушении семьи и личности», «краже сознания», акцентируя внимание на том, что, остановив однажды свой выбор на новых религиях, человек уже не может выйти оттуда самостоятельно, без вреда своему здоровью и спокойствию близких родственников. СМИ просто захлебываются вопросами, почему современная молодежь уходит в «секты», находя ответ лишь в пресловутом «промывании мозгов» или «зомбировании». Так формируется представление о «контроле над сознанием» в «закрытых» для общественного контроля «новых» или «неформальных» религиозных движениях (НРД)⁸ и об определенной простоте и высокой эффективности таких психологических опытов, особенно применительно к сознанию молодого человека.

Заявление о применении «зомбирования» влечет за собой дальнейшую полемику о правовом статусе деятельности множества религиозных организаций, представляющих самые разные направления, и особенно тех, которые принято относить к категории новых религий. Имеют ли они право осуществлять наравне с другими религиозными организациями свою деятельность среди верующих, заниматься миссионерством, благотворительностью, религиозным образованием? В зависимости от ответа на эти сугубо правовые вопросы вырабатываются определенные наборы понятий, выражений и терминов, нередко клеймящие религиозное инакомыслие как явление «нетрадиционное», «сектантское», «тоталитарное», «псевдорелигиозное» или «квазирелигиозное» и т.п.

Само же понятие «секта» не имеет четкого правового определения. В 1998 г. Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации в своем решении указала, что в законодательстве Российской Федерации не существует такого понятия, как «секта», и так как данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несет безусловно негативную смысловую нагрузку, его употребление не рекомендуется, поскольку может оскорбить чувства верующих. Аналогичные решения были вынесены Большим жюри Союза журналистов России в 2004 г. и Общественной коллегией по жалобам на прессу в 2006 г. При этом термин «секта» все же присутствует в практике российских судов в связи с употреблением его в общественной жизни, а также при ссылке на иностранные документы и решения. Именно упоминание этого термина в ряде европейских документов обусловило его появление в решении Конституционного Суда Российской Федерации от 23.11.1999 г. Но здесь важно отметить, что в зарубежной практике по негативной шкале лидирует термин «культ», а термин «секта» значительно чаще используется как обозначение какого-нибудь религиозного учения, отклонившегося от канона и снискавшего популярность среди незначительного количества сторонников. Запад, переболев инквизицией, в наши дни, даже в своих клерикальных кругах, воспринимает сектантство в значении «ереси» значительно мягче. Так, например, М. Вебер писал, что «секта — это союз людей, получивших высшую религиозную аттестацию»⁹.

В соответствии с российским законодательством, все религиозные образования в России делятся на религиозные организации (объединения, имеющие юридический статус) и религиозные группы (не имеющие его). Сфера религиозной деятельности и взаимоотношений с государством и обществом регулируется Конституцией РФ и Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.).

Отметим, что понятие «секта» в России вызывает негативные ассоциации, связанные, помимо многовекового имперского прессинга

чиновников государственной религии (официального синодального православия)¹⁰, еще и с советской идеологией. Вот что пишет по этому поводу проф. П.А. Николаев: «Второе значение слова “секта” — это группа лиц, замыкающаяся в групповых интересах. В итоге это значение и распространилось в языке. Это слово любили российские коммунисты. Ленин всегда употреблял это слово в отрицательном значении. Он любил говорить: “Марксизм чужд сектантству”. В последнее время все чаще слово “секта” употребляют, когда речь идет о религиозных движениях. Ученые-лингвисты, напротив, полагают, что наиболее актуальный смысл этого слова в русском языке состоит в обозначении вообще людей, отколовшихся от целого движения... Изначально слово “секта” имело отрицательную коннотацию, в том числе по отношению к религиозным движениям, религиозным меньшинствам»¹¹.

Когда с целью напугать общественность, находящуюся в общей эйфории религиозного возрождения в стране, в российской действительности 90-х годов прошлого века появился термин «тоталитарная секта», он по понятным причинам стал весьма популярным, ведь общество продолжало пребывать в рефлексии относительно ушедшей в прошлое, но ранее запретной теме тоталитаризма в политической жизни страны и связанной с этим проблеме идеологического «монолита нации», не приемлющего всяческого рода «маргиналов», «неформалов» и «сектантов». С момента появления этот термин стал активно использоваться РПЦ, его тут же подхватили СМИ, он даже успел переключиться в ряд государственных политических документов¹², прежде чем о его несостоятельности громко заговорили специалисты — религиоведы, юристы, политологи. Старатели, муссирующие тему «тоталитарных сект», либо не задумывались вообще, либо сознательно опускали тот факт, что термин «тоталитаризм», появившийся в XX в. как реакция на государственное устройство, сформированное Гитлером в Германии (Муссолини в Италии), относится к политической сфере. Все характерные признаки «тоталитаризма» связаны между собой и неразрывны со своим политическим стержнем, в отрыве от которого любую религиозную организацию можно обвинить в тоталитаризме: легко найти в ней признаки авторитаризма, абсолютизма и тотальности, формирующие фундамент тоталитарных режимов.

Увы, наше общество склонно воспринимать религиозную жизнь в «штампованном» виде: традиционный — нетрадиционный, наш — не наш, хороший — плохой. В условиях всеобщей подозрительности ко всему новому и непохожему на принятый типаж, специалистов, выступающих против огульных обличений НРД, всегда легко обвинить в «выгораживании» злоумышленников. В то же время нельзя не учитывать то, что протесты родителей и родственников, а также других активистов, выступающих по тем или иным причинам про-

тив «сект», опираются на конкретные жизненные ситуации. Именно эти люди чаще других приводят аргументы о «зомбировании» в попытках объяснить, почему их «обычные» родственники принимают «необычную» веру. Образ послушника, пожертвовавшего всем своим имуществом, бытовыми удобствами, отдающего свои знания и все свободное время на благо некоей религиозной общности, абсолютно не согласуется с представлениями обывателя, привыкшего вспоминать о религии только по официальным церковным праздникам. В то же время сложно оспорить позицию родственников молодых неофитов, рассчитывающих на свою долю внимания, заботы и любви, которой они лишаются одновременно из-за вступления их близких в религиозное объединение, заклеянное во всех СМИ как «тоталитарная секта».

Таким образом, можно условно выделить две полярных противоборствующих позиции. Одна из сторон вписывает все нетрадиционные религиозные объединения в криминальную сферу, другая — доказывает, что религиозные организации не имеют с ней ничего общего. В реальности же абсолютное большинство религиозных объединений, в том числе традиционных, пребывает между этими позициями. Не стоит упускать из виду то, что конфликты на почве «ухода в религию» не так уж редко встречаются и в традиционных религиозных институтах. Не будем голословными и приведем пример из письма О. Мжельской из Новосибирска, напечатанного в газете «Труд»: «Как вернуть дочь из монастыря?.. вырвать свою 23-летнюю дочь из монастыря... пыталась убедить... но Таня не слышит меня... За дни, проведенные в монастыре рядом с дочерью, меня лично удивил дух сектантства, звучащий в проповедях. Любви мало, все грех, все плохо, все нельзя. Все правила пронизаны суеверным до мелочей исполнением... Когда Таня ходила в свой приход — небольшую церковь в Новосибирске, — батюшка не рекомендовал читать книги, газеты, смотреть телевизор, красиво одеваться, ходить в танцевальную студию»¹³. Но подобные аналогии и примеры приводятся не часто, а сами религиозные институты в меру своих возможностей стараются отмежевываться от таких «сектантских настроений», если они попадают в поле общественного обозрения. Кому-то в этом процессе помогает само общество, привыкшее скорее доверять Церкви, нежели подозревать в чем-то нехорошем, как это уже было в советские годы. От этого недоверия устали все, поэтому сейчас готовы не замечать даже то, с чем следовало бы бороться. Достаточно вспомнить недавние истории (2009 — 2010) сбежавших из Свято-Боголюбовского монастыря (Владимирская область) детей, которые, не сговариваясь, рассказали, что над ними долго и жестко издевались. Российское законодательство в этом случае («причинение систематических физических или психических страданий» несовершеннолетнему) рекомендует применять

часть 2 статьи 117 УК РФ (об истязании), что наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет. Но в возбуждении дела прокуратура отказала, не найдя «достаточных оснований». И это учитывая тот факт, что отец одной из девочек за три года до инцидента пытался забрать ее из монастыря, обращался в местную прокуратуру, но тогда там сочли, что именно принятие мер по возврату девочки родственникам может нанести ей психологическую травму, потому что якобы сама она уезжать из монастыря не хотела¹⁴.

Но почему же все-таки «манипуляция сознанием» и ограничение человека в его правах и гражданских свободах ассоциируется обществом в большей мере только с новыми религиозными организациями? За основу рассуждений берутся, как правило, трагические примеры деятельности Аум Синрикэ в Японии, «Народного Храма» Д. Джонса в США, «Ордена Солнечного Храма» в Швейцарии и нескольких других. Однако многие исследователи единогласно отмечают, что нет никаких оснований утверждать, что отдельные члены НРД или их руководители не могут быть вовлечены в преступную деятельность. Никто не отрицает также факты давления и принуждения, зафиксированные в различных религиозных организациях. Но мы не имеем оснований распространять вину отдельных членов на всю организацию или вину отдельных групп на все религии.

Кроме этого, у данной проблемы есть и другая сторона, не менее драматичная и жестокая, но мало осознанная обществом. В данном случае речь идет о проблеме допущения в современном социуме, считающем себя демократическим и гуманным, репрессивных методов борьбы против самих так называемых сектантов. Невозможно не согласиться с мнением президента Независимой психиатрической ассоциации России Ю.С. Савенко о том, что «наряду с проблемой вреда от мистических и паранаучных движений существует не менее острая проблема вреда от тоталитарных методов борьбы с этими движениями»¹⁵. К сожалению, такая «охота на ведьм» присутствует не только среди обывателей, но и среди ученых и профессионалов, призванных как раз бороться с такими проявлениями. Достаточно сравнить два подхода в отношении НРД, предложенных в рамках рассмотрения девиантного поведения в Великобритании: «Отклонение бывает не только в индивидуальном поведении, но и в групповом. В качестве иллюстрации можно взять культ Кришны, поддерживаемый религиозной группой, верования и образ жизни которой очень сильно отличаются от образа жизни большинства живущих в Соединенном Королевстве... Послания культа были адресованы в основном молодым людям, употреблявшим наркотики, и провозглашали, что можно «постоянно пребывать в возвышенном состоянии и обнаружить источник вечного наслаждения», если следовать учению. К танцам и песнопениям кришнаитов на улицах привыкли. Население относится

к ним вполне терпимо, даже в том случае, если их взгляды воспринимаются как эксцентричные. Кришнаиты являют собой пример субкультуры с девиацией»¹⁶. Итак, данное НРД автор не похвалил, но и не «демонизировал», в то время как у нас к аналогичным девиациям предлагается относиться по-иному: «Деструктивные культы представляют собой серьезную социальную проблему, которая зачастую оказывается за пределами социального контроля, причиняя при этом психологический ущерб конкретным людям в форме изменения сознания, аутодеструктивного поведения и культовой травмы»¹⁷.

В нашей сегодняшней жизни найдется масса примеров давления и даже физического уничтожения тех, кто рискнет объявить себя инакомыслящим в своей религиозной проповеди. Учитывая это, профессор социологии религии Лондонской школы экономики, руководитель школы изучения новых религий «INFORM» Эйлен Баркер даже предлагает своим коллегам выделить особую характерную черту НРД — подозрение и дискриминация, так как «они часто находятся под подозрением и подвергаются оскорблениям со стороны остального общества», вплоть до дискриминации¹⁸. И если в 90-е годы XX в., наблюдая рост таких объединений, мы вряд ли могли согласиться с точностью такой характеристики применительно к действительности постсоветского пространства, то спустя два десятка лет, столкнувшись с новыми реалиями, когда, опасаясь за свою личную или деловую репутацию, люди предпочитают не афишировать свои «иные» мировоззренческие позиции (в том числе атеистические), с Э. Баркер трудно не согласиться.

Тем не менее, обвинения в экстремизме и «манипуляции сознанием» пока звучат только в адрес НРД, и разворачивается полемика о необходимости введения ограничительных санкций и даже о начале уголовного преследования всех таковых как нежелательного и недопустимого в нашей стране явления. При этом стремясь обезопасить себя, наши граждане готовы слушать доводы тех, кто, ссылаясь на «идиллию церкви и власти» в Российской империи, предлагает считать «сектантской» деятельность любых религиозных объединений, кроме православных и незначительного числа «допустимых» религий, выделенных в категорию «традиционных национальных», по сути соглашаясь с предложенным РПЦ принципом деления пространства страны на «конфессиональные территории». Контролировать ситуацию предлагается исключительно силовыми ведомствами, как когда-то губернскими жандармскими управлениями, стоящими на страже законной православной веры. В тех условиях «беззаконие» в лице инакомыслящих подлежало уголовному преследованию и строго каралось. «Устав благочиния и безопасности» строжайше запрещал православным гражданам переходить в любую другую веру, паспорта «еретиков и раскольников»

либо изымались, либо клеймились особым образом. Добрая воля на «веру по совести» претворялась в России еще чуть больше ста лет назад в злой рок судьбы преследуемого государством уголовника. При таких законах и не могло появиться тоталитаризма в отдельно взятых группах раскольников – «порядок» довлел над обществом. Похожая ситуация развернулась в нашей стране и при молодой советской власти, тоже с тотальным «порядком», но уже без религии вообще...

Итак, в новых религиозных движениях государство и общество усиленно ищут насилие, давление, «тоталитаризм» и психологические манипуляции с сознанием, определяемые для усиления эффекта вредоносности как «зомбирование». Находя в конкретной организации что-либо из искомого, оно, как правило, преумножается и без всяких на то оснований проецируется на другие объединения. При этом в «традиционных» конфессиях подобные «отклонения» не замечаются.

Общество, точнее, какая-то его часть, никак не может разглядеть в новых религиозных движениях самое себя. Эта категория людей не желает связывать религиозные эксперименты с кризисом многих традиционных институтов, включая и сами институты религии. А современная культура, в силу противоборствующих в ней ценностных и идейных доминант, не справляется с функцией приспособления индивида к внешнему миру и согласования с миром внутренним, отражающим антиномию рационального и иррационального начал, свойственную современной культуре в целом. Реакцией молодежи на усложнение социальной среды и условий вхождения во «взрослую жизнь», хаотизацию культурных содержаний, отчуждение, обесмысливание личного существования и фрагментацию внутреннего мира нередко является стихийный поиск «альтернативной духовности». Следовательно, невозможно дать однозначного ответа на вопрос о том, почему люди разных возрастных категорий выбирают те или иные мировоззренческие позиции, принимают мистические или паранаучные, религиозные или атеистические взгляды, почему молодежь часто предпочитает новые учения «традиционным» религиям, что влияет на такой выбор именно в данный момент нашей истории. И уж тем более некорректно подводить всех «неформалов» под общий знаменатель контроля над сознанием.

Понятие свободы совести уже перестало быть для наших граждан пустым звуком, никак не связанным с реальностью, кроме декларативных заявлений политиков. По сути, вопрос о свободе веры в настоящее время – это не только вопрос о культурной идентичности, но и вопрос о самоопределении и ответственности за личный выбор, а также умении уважать выбор других. Решение не бояться инакомыслия и не преследовать его, способность выделять экстремизм и

реальную угрозу обществу, не смешивая их с экстравагантностью, маргинальностью, инакомыслием в целом — это высочайшая планка свободного, высококультурного общества. И нам всем следует определиться, хотим мы жить в таком обществе или пребывать в постоянных поисках врага, заклеянного за его иное мировоззрение, образ жизни, внешний вид.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вуд Дж. Э. Право человека на свободу религии в исторической и международной перспективе // Религия и право. Информационно-аналитический журнал. 1999. № 1. С. 24.

² Цит. по: *Козырев Ф.Н.* Воспитание веротерпимости как педагогическая задача // Образование и гражданское общество (Материалы круглого стола 15 ноября 2002 г.) / под ред. Ю.Н. Солонина. — СПб., 2002. С. 73.

³ Основы социальной концепции Русской православной церкви. Архиерейский собор 13 – 16 августа 2000 г.

⁴ См., например: *Тихонравов Ю.В.* Судебное религиоведение. — М., 1998. С. 151 – 162.

⁵ *Змановская Е.В., Рыбников В.Ю.* Девиантное поведение личности и группы: учеб. пособие. — СПб., 2011. С. 150.

⁶ *Кондратьев Ф.В.* Религиозность и психопатология. Аспекты взаимовлияния // Российский психиатрический журнал. 2012. № 5. С. 7.

⁷ Там же.

⁸ Оба определения «новизны» и «неформальности» являются весьма условными и применяются автором в том смысле, что данные организации выступают как некое контркультурное меньшинство на фоне формального «традиционно-ориентированного» большинства.

⁹ *Вебер М.* Избранные произведения / под ред. Ю. Давыдова. — М., 1990. С. 176, 244 (прим.), 174, 283.

¹⁰ Данное пояснение не случайно, ведь была и есть еще и раскольничья часть православия — старообрядчество, претерпевшее гонения, травлю и прочие составляющие преследования инакомыслия как в царской России, так и в советское время.

¹¹ *Николаев П.А.* О понятии «секта» // *Крылова Г.* Свобода совести на весах правосудия (Приложение) — М., 1998. С. 248 – 249.

¹² См., например, программные документы 90-х годов прошлого века партий ЛДПР и «Родина». Наиболее показательный пример связан с подписанием Президентом России В.В. Путиным 9 сентября 2000 г. «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». В главе II, в частности, указывается на «возможность нарушения общественной стабильности, нанесение вреда здоровью и жизни граждан вследствие деятельности религиозных объединений, проповедующих религиозный фундаментализм, а также тоталитарных религиозных сект».

¹³ Цит. по: *Кротов Я.* Дневник литератора. — URL: <http://krotov.info/yakov/varia/zlobaday/20000625.html>. Дата обращения: январь 2013 г.

¹⁴ Подробнее см.: Чернова Н. Из Свято-Боголюбовского монастыря на днях в очередной раз, не выдержав издевательств и побоев, сбежали дети // Новая газета. 20.10.2010.

¹⁵ «Нетрадиционные религии» в посткоммунистической России (*круглый стол*) // Вопросы философии. 1996. № 12. С. 18.

¹⁶ Гидденс Э. Социология. Часть II. Глава 5: Комфортность и девиантное поведение. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/gidd/05.php. Дата обращения: апрель 2013 г.

¹⁷ Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы. С. 152.

¹⁸ Баркер Э. Почему культы? Новые религиозные движения и свобода религии и убеждений // Свобода религии и убеждений: основные принципы. – М., 2010. С. 505.

Аннотация

Статья посвящена проблеме реализации принципа свободы совести в современном обществе. В центре внимания вопрос о том, почему молодежь часто предпочитает окунуться в атмосферу жизни новых религиозных движений, нежели следовать устоявшимся и привычным для большинства догматам «традиционных» религиозных институтов. Данная работа является одной из попыток развенчания мифа о «зомбировании» и «промывании мозгов».

Ключевые слова: права человека, свобода совести, религиозный выбор, новые или «неформальные» религиозные движения, «тоталитарная секта», «контроль сознания» («зомбирование», «промывание мозгов»).

Summary

The article dwells on the problem of realization of the conscience freedom principle in modern society. In the center of attention there is a question, why the young people often prefer to plunge into the life atmosphere of new religious associations instead of following settled and habitual for the majority doctrines of «traditional» religious institutes. This work is one of the attempts to discredit the myth about «zombification» and «brainwashing».

Keywords: human rights, freedom conscience, religious choice, new or «informal» religious associations, «totalitarian sect», «consciousness control» («zombification», «brainwashing»).